

А. А. Шахматов

**Введение в курс истории
русского языка. Часть 1.
Исторический процесс
образования русских племен
и наречий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А11

А11 **А. А. Шахматов**
Введение в курс истории русского языка. Часть 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий / А. А. Шахматов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 151 с.

ISBN 978-5-458-55435-0

ISBN 978-5-458-55435-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

въ курсъ исторіи русскаго языка.

ЗАДАЧИ и ПЛАНЪ КУРСА.

«Введение въ курсъ исторіи русскаго языка» имѣетъ своей задачей сообщить рядъ свѣдѣній, необходимыхъ для уясненія тѣхъ языковыхъ явленій, которымъ посвящены послѣдующіе отдѣлы моего курса,—явленій звуковыхъ, морфологическихъ, синтактическихъ.

Наиболѣе существеннымъ представляется мнѣ, во-первыхъ, уяснить въ такомъ введеніи историческій процессъ, пережитый русскимъ языкомъ въ связи съ исторіей русскаго народа, во-вторыхъ, познакомить Васъ съ тѣмъ сложнымъ матеріаломъ, которымъ долженъ пользоваться изслѣдователь при возстановленіи тѣхъ или иныхъ языковыхъ явленій.

Исторія языка основывается главнымъ образомъ на данныхъ современнаго живого языка въ его говорахъ, ибо эти данныя; если они точно описаны, могутъ служить наиболѣе надежными отправными точками для изслѣдованія; сравнительное изученіе современныхъ говоровъ ведетъ къ возстановленію общаго для этихъ говоровъ языкового основанія и даетъ, такимъ образомъ, прочный и надежный матеріалъ для заключеній о составѣ языка въ болѣе отдаленныя эпохи и о процессахъ, по которымъ шло его измѣненіе. Поэтому въ настоящемъ «Введеніи» будутъ сообщены данныя о современныхъ русскихъ говорахъ. Даннымъ этимъ я предпошлю краткія свѣдѣнія о звуковомъ составѣ нашей живой рѣчи, ибо наши познанія въ другихъ русскихъ говорахъ основываются главнымъ образомъ на сравненіи ихъ съ собственною нашею рѣчью.

Но исторія языка получаетъ яркое освѣщеніе и со стороны письменныхъ памятниковъ. Наша письменность восходитъ къ XI вѣку; анализъ памятниковъ письменности XI—XIX вѣка даетъ весьма цѣнныя, иногда непреерекаемая данныя о наличности тѣхъ или иныхъ звуковыхъ явленій въ указанныхъ хронологическихъ предѣлахъ. Поэтому «Вве-

деніе» дасть общее обозрѣніе памятниковъ и выяснитъ приемы ихъ изслѣдованія.—Приемы эти усложняются тѣмъ обстоятельствомъ, что письменный языкъ нашъ заимствованъ нами съ готовою письменностью изъ древней Болгаріи, при чемъ графика, приспособляясь вообще къ живой русской рѣчи, подвергалась кромѣ того особннымъ процессамъ, независимымъ отъ измѣненій звукового состава языка.

Знакомство съ русскимъ языкомъ въ его современныхъ говорахъ и историческихъ памятникахъ несомнѣнно освѣщаетъ прошлое языка и ходъ постепенныхъ его измѣненій; умѣлое пользование извлекаемыми изъ говоровъ и памятниковъ данными приводитъ и къ возстановленію фактовъ языка той отдаленной эпохи, отъ которой до насъ не дошло памятниковъ. Древнѣйшій періодъ русскаго языка мы опредѣляемъ какъ *періодъ общерусскаго праязыка*, ибо нѣкогда русскій языкъ, въ противоположность современному, представлялъ большее единство, препятствовавшее распаденію его на обособленныя нарѣчія. Возстановленіе общерусскаго праязыка достигается не только изученіемъ данныхъ позднѣйшихъ эпохъ и современной намъ эпохи жизни русскаго языка, но также сравнительнымъ изученіемъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Всѣ славянскія нарѣчія, а въ томъ числѣ и общерусскій праязыкъ, выдѣлились изъ одного общаго основанія, опредѣляемаго какъ *общеславянскій праязыкъ*. Познаніе ближайшаго предка общерусскаго языка—праязыка общеславянскаго—ведетъ неминуемо къ лучшему пониманію состава языка въ древнѣйшій русскій періодъ; такимъ образомъ для возстановленія отправныхъ точекъ въ изученіи исторіи русскаго языка, а такими точками являются данныя общерусскаго праязыка, необходимо сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ. Поэтому во «Введеніи» будутъ опредѣлены отношенія этихъ языковъ къ ихъ общеславянскому основанію и намѣчены тѣ приемы, по которымъ возможно получать освѣщеніе явленій русскаго языка по даннымъ другихъ славянскихъ языковъ.

Цѣнныя данныя для возстановленія русскаго языка въ древнѣйшее его періоды можно извлечь—такъ кажется по крайней мѣрѣ въ теоріи—изъ изученія заимствованій, проникавшихъ изъ русскаго языка въ другіе сосѣдніе языки (финскіе, литовско-латышскіе). Нѣкоторыя соображенія относительно этого источника познанія русскаго языка въ его исторіи должны быть сообщены въ настоящемъ «Введеніи».

Итакъ, въ составъ «Введенія» вводится, во-первыхъ, уясненіе общаго историческаго процесса жизни русскаго языка, во-вторыхъ, знакомство съ данными и приемами, ведущими къ освѣщенію и возстановленію частныхъ этого историческаго процесса; въ-третьихъ, я предложу во «Введеніи» и краткій обзоръ изученій русскаго языка, гдѣ

будутъ указаны главнѣйшія пособія. Въ предложенной программѣ, какъ Вы видите, недостаетъ такого отдѣла, гдѣ были бы сообщены общія теоретическія соображенія относительно свойства языковыхъ явленій, причины измѣненій въ языкѣ, законовъ, регулирующихъ эти измѣненія; но я думаю, что соотвѣтствующія свѣдѣнія Вы найдете въ общихъ курсахъ языковѣдѣнія. Освѣщеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ данныхъ будетъ предложено мною тамъ, гдѣ я сообщу Вамъ очеркъ звукового состава нашей живой рѣчи и притомъ примѣнительно къ доступнымъ Вашему непосредственному наблюденію фактамъ.

Сообразно всему вышесказанному «Введеніе» къ курсу исторіи русскаго языка распадается на слѣдующіе отдѣлы и подотдѣлы:

I.—Историческій процессъ образованія русскіхъ племенъ и нарѣчій.

II.—Данныя для возстановленія историческаго процесса языковыхъ измѣненій.

1.—Современные русскіе говоры:

а) звуковой составъ современнаго литературнаго языка,

б) три главные русскія нарѣчія и ихъ развѣтвленія.

2 —Памятники русскаго языка.

3.—Славянскія нарѣчія и извлекаемыя изъ нихъ данныя для возстановленія общеславянскаго праязыка.

4.—Заемствованныя изъ древнерусскаго языка слова въ сосѣднихъ языкахъ финскихъ и балтійскихъ.

III —Главнѣйшіе труды по изученію русскаго языка.

Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Основные понятія и отправныя точни.

Подъ *русскимъ языкомъ* въ научномъ употребленіи этого термина мы разумѣемъ совокупность тѣхъ нарѣчій и говоровъ, которыми какъ въ настоящее время, такъ и въ предшествующія эпохи пользовались, въ качествѣ материнскаго, родного языка, русскія племена. Всѣ эти нарѣчія и говоры восходятъ къ одному общему основанію. Это видно для поверхностнаго наблюдателя изъ близкаго ихъ сходства между собою; это вытекаетъ въ видѣ научнаго вывода изъ болѣе глубокаго историческаго изученія названныхъ нарѣчій и говоровъ. Каждый представитель русскаго племени, будь то великорусъ или бѣлорусъ или малорусъ (украинецъ), можетъ назвать свой родной языкъ *русскимъ*: онъ русскій по его происхожденію и въ силу этого своего происхожденія останется русскимъ, какимъ бы измѣненіямъ не подвергся съ теченіемъ времени. Передъ нами, такимъ образомъ, въ настоящее время множество различныхъ другъ отъ друга русскихъ *индивидуальныхъ языковъ*: ихъ столько же, сколько индивидуумовъ, говорящихъ по-русски. Но уже при самомъ поверхностномъ наблюденіи оказывается, что эти индивидуальные языки по своимъ особенностямъ могутъ быть распредѣлены на болѣе или менѣе обширныя группы, образующія части еще болѣе обширныхъ группъ. Эти подгруппы, вмѣщающія въ себѣ однородные индивидуальные языки, можно назвать *говорами*; а группы сходныхъ между собою говоровъ называютъ *поднарѣчьями* или *нарѣчьями*. Обширныя языковыя группы, нарѣчія, оказываются, такимъ образомъ, дѣленіями того великаго цѣлаго, которое называется *языкомъ* (языкомъ народа, племени), заключающимъ въ себѣ всю совокупность индивидуальныхъ языковъ, связанныхъ между

собою сходствомъ; сходство же это зависитъ прежде всего отъ единства происхожденія.

Обращаясь къ русскому языку, видимъ, что индивидуальные русскіе языки могутъ быть сгруппированы по такимъ говорамъ, какъ говоры той или иной губерніи — говоры вятскіе, калужскіе, могилевскіе, подольскіе; эти говоры распредѣляются по болѣе обширнымъ группамъ — поднарѣчіямъ и нарѣчіямъ; такъ вятскіе, пермскіе, вологодскіе, олонецкіе говоры оказываются ближайшимъ образомъ сходными между собою и образуютъ вмѣстѣ съ другими говорами сѣверное поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія; калужскіе, тульскіе, рязанскіе вмѣстѣ съ другими сосѣдними съ ними говорами образуютъ южное поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія. Говоры могилевскіе вмѣстѣ съ виленскими, минскими, витебскими и другими сосѣдними входятъ въ составъ бѣлорусскаго нарѣчія. Говоры подольскіе, кievскіе, волынскіе, галицкіе вмѣстѣ съ другими съ ними сосѣдними и съ ними сходными образуютъ малорусское нарѣчіе, въ которомъ рѣзко различаются нѣкоторыя поднарѣчія, напр. сѣверное — въ Волынской, части Гродненской, Холмской и др. губерніяхъ, южное — въ Украинѣ и Галиціи, угорское или угрорусское — въ сѣверовосточной Венгріи, и т. д. Такимъ образомъ, всѣ индивидуальные русскіе языки, образующіе въ научномъ и историческомъ отношеніи единое цѣлое, одинъ *русскій языкъ*, распадаются на три главныхъ нарѣчія: *великорусское, бѣлорусское и малорусское*, а въ составѣ этихъ трехъ нарѣчій индивидуальные русскіе языки распредѣляются на рядъ поднарѣчій и говоровъ.

Какъ отмѣчено уже выше, дробныя дѣленія въ составѣ указанныхъ нарѣчій опредѣляются сходствомъ между собою соответствующихъ говоровъ, а сходство это стоитъ въ прямой зависимости отъ сосѣдства, отъ территоріальной ихъ связи и близости. Правда, колонизаціонныя движенія въ позже населенныя мѣстности южной, юго-восточной и восточной Россіи въ значительной степени нарушаютъ указанную зависимость между группировкой говоровъ и занятой ими территоріей, но зависимость эта проводится довольно послѣдовательно въ мѣстахъ старыхъ поселеній. Такъ, южновеликорусское и сѣверновеликорусское поднарѣчія занимаютъ сплошныя территоріальныя пространства, опредѣляемые извѣстными непрерывными границами; такія же сплошныя пространства могутъ быть отведены малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ, а также нѣкоторымъ изъ поднарѣчій, на которыя они распадаются. Связь языковыхъ дѣленій съ дѣленіями территоріальными ведетъ изслѣдователя къ неизбѣжному заключенію о связи *языковыхъ дѣленій* съ *дѣленіями племенными*. И дѣйствительно, тремъ

лавымъ русскимъ нарѣчіямъ, нами указаннымъ, соотвѣтствуетъ дѣленіе русскаго племени на три отрасли — великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую. Эти племенные отрасли, эти различныя русскія народности опредѣляются не только различіями въ ихъ языкѣ: различіямъ языка соотвѣтствуютъ и другія глубокія этнографическія различія въ духовной и матеріальной культурѣ великорусовъ, бѣлорусовъ и малорусовъ. Совершенно ясно, что территоріальное распаденіе русскаго народа, его разселеніе и послѣдующее обособленіе отдѣльныхъ его частей повело за собою самостоятельное развитіе этихъ частей въ области какъ матеріальной, такъ и духовной культуры, а также языка. Такимъ образомъ, исторія образованія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій,—а затѣмъ и поднарѣчій и говоровъ, также тѣсно связанныхъ съ опредѣленною территоріей и опредѣленною частью русскаго племени, обладательницей этой территоріи и носительницей соотвѣтствующаго поднарѣчія или говора, — находится въ прямомъ отношеніи къ исторіи русскаго племени, его территоріальнымъ дѣленіямъ и колонизаціоннымъ движеніямъ. Историкъ языка, желающій уяснить себѣ ходъ раздробленія нѣкогда болѣе или менѣе единаго русскаго языка на рядъ нарѣчій, а также распаденія этихъ нарѣчій на поднарѣчія и говоры, долженъ удѣлить напряженное вниманіе исторіи разселенія русскаго племени изъ территоріи сравнительно тѣсной и небольшой по обширной площади современной Европейской Россіи

Опредѣленіе относящихся къ исторіи русскаго языка хронологическихъ моментовъ, выясненіе взаимныхъ отношеній русскихъ нарѣчій, указаніе на послѣдовательность ихъ образованія и развитія — все это пріобрѣтетъ осязательныя очертанія и твердую почву при условіи тѣснаго сближенія представляющихся выводовъ съ данными исторіи русскаго народа. Вотъ почему я считаю себя вынужденнымъ теперь, въ началѣ своего курса предложить Вамъ краткій очеркъ образованія русскихъ нарѣчій и народностей. Думаю, что, только продумавъ вмѣстѣ съ Вами рядъ относящихся сюда явленій во всей ихъ совокупности, связавъ исторію языка съ исторіей его носителя, народа, я стану на болѣе конкретную, менѣе отвлеченную почву, когда буду говорить и о современномъ разнообразіи индивидуальныхъ языковъ, и о памятникахъ русскаго языка, и объ явленіяхъ языка старшихъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію періодовъ.

Предлагаемый очеркъ будетъ кратокъ и въ извѣстной степени поверхностенъ. Краткость его обусловливается непосредственно стоящею передо мной задачей — дать Вамъ вводные въ исторію русскаго языка

очерки; а поверхностность его зависит главнымъ образомъ отъ того, что я недостаточно знакомъ съ исторіей колонизаціонныхъ движеній въ среднихъ періодахъ нашей истории, съ движеніями населенія въ московскій періодъ на сѣверовостокъ и въ литовскорусскій періодъ на югозападъ. Впрочемъ, изслѣдованіе этихъ историческихъ явленій особенно важно для исторіи образованія русскихъ поднарѣчій и говоровъ; что до русскихъ нарѣчій, то образованіе ихъ относится къ древнему періоду. Скудныя данныя объ этомъ періодѣ въ достаточной степени приведены въ извѣстность и разработаны нашими историками.

Исходное положеніе.

Прежде чѣмъ перейти къ указанной темѣ, я долженъ остановиться на одномъ изъ основныхъ положеній, развитомъ уже въ предидущемъ изслѣдованіи и лежащемъ въ основаніи послѣдующаго. Положеніе это относится къ единству въ прошломъ, къ единству по происхожденію, всѣхъ трехъ главныхъ русскихъ нарѣчій: великорусскаго, малорусскаго, и бѣлорусскаго.

Съ перваго взгляда положеніе это представляется какъ-будто безспорнымъ. Всѣ три нарѣчія объединены названіемъ «*русскій*», это названіе указываетъ, слѣдовательно, на общее ихъ происхожденіе изъ нѣкогда единаго, нераздѣльнаго русскаго языка. Далѣе, если бы даже не придавать значенія терминологіи и оставить въ сторонѣ общее названіе «*русскій*», то на единство происхожденія всѣхъ трехъ названныхъ нарѣчій указываетъ, какъ-будто съ непрекаемою силой, ихъ взаимная близость, ихъ сходство въ настоящее время.

Но кажущаяся безпорность и непрекаемость обоихъ доводовъ въ пользу общаго происхожденія изъ нѣкогда единаго русскаго языка всѣхъ трехъ названныхъ русскихъ нарѣчій встрѣчается съ нѣкоторыми серьезными возраженіями, серьезными, однако, какъ мнѣ кажется, не столько по существу, сколько по формѣ и по идеѣ.

Впрочемъ, противъ аргумента, основаннаго на общемъ названіи «*русскій*», можно выставить и существенныя возраженія. «*Русь*», «*русскій*»—это не старое племенное названіе, объединявшее восточныхъ славянъ, это терминъ прежде всего политическій: *Русью* называли себя и свою страну жители Кіевского Поднѣпровья; съ распространеніемъ кіевского политическаго могущества, терминъ «*русскій*» охватывалъ всѣ племена, объединившіяся въ Кіевской державѣ Владиміра и Ярослава, но не скоро стала называться *Русью* напр. сѣверновосточная область Владиміра Залѣскаго или сѣверныя области Новгородцевъ; въ Новгородѣ въ XII и XIII в., какъ видно изъ мѣстной лѣтописи, *Русью* назывался именно Кіевскій югъ. Политиче-

ское значеніе термина *Русь* способствовало пріобрѣтенію имъ и значенія культурнаго: испытавши на себѣ культурное вліяніе Кіева племена, принявши въ частности изъ Кіева христіанскую вѣру, стали называть себя *русскими*, а свою вѣру *русскою*, ср. *руська віра*, въ значеніи православная, въ Угорской Руси и на Буковинѣ. Между русскими историками нѣтъ полнаго согласія относительно происхожденія имени *Русь*, многіе изъ нихъ отрицаютъ утвержденіе Нестора и его послѣдователей, т. н. норманистовъ, о томъ, что названіе Русь принесено въ Кіевъ вмѣстѣ съ основаніемъ тамъ варяжскаго владычества, но думаю, что всѣ наши историки согласны въ признаніи за терминомъ *Русь*, *русскій* значеній культурнаго и политическаго, согласны также и въ томъ, что онъ не былъ исконнымъ племеннымъ названіемъ для восточнаго Славянства. Итакъ, объединеніе такъ называемыхъ *украинцевъ* съ великорусами терминомъ, «*русскій*» не можетъ свидѣтельствовать объ общемъ ихъ происхожденіи въ доисторическую эпоху, а свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ политическомъ и культурномъ единеніи въ сферѣ Кіевского государства.

Соглашаясь со всѣми этими доводами, я самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркиваю, что исконное единство малорусовъ и великорусовъ я не основываю на общемъ ихъ имени: политическія и культурныя имена могутъ объединять совершенно различныя по происхожденію этническія группы. Вспомнимъ, напр., германское по происхожденію названіе Французовъ, перенесенное на романизированныхъ Галловъ вмѣстѣ съ Франкскимъ владычествомъ. Русское имя, общее малорусамъ и великорусамъ, свидѣтельствуетъ, конечно, не объ исконномъ ихъ единствѣ, а объ единствѣ позднѣйшемъ, являясь, такимъ образомъ, важнымъ доводомъ въ пользу общихъ культурныхъ переживаній въ началѣ исторической жизни обоихъ этихъ племенъ Ихъ исконное единство, такъ же какъ общее съ ними происхожденіе третьяго племени—Бѣлорусовъ, доказывается прежде всего общностью языка, образованіемъ малорусскаго и великорусскаго языка изъ одного общаго языка, который, какъ до насъ не дошедшій, мы назовемъ *праязыкомъ общерусскимъ*.

Но вотъ это утвержденіе, эти доказательства, встрѣчаются съ тѣми возраженіями, о которыхъ я говорилъ, характеризуя ихъ какъ серьезныя по идеѣ, по замыслу, но не состоятельныя по существу. Возраженія эти исходятъ не только отъ диллетантовъ, выступающихъ съ ними для доказательства такихъ положеній, которыя въ подобныхъ аргументахъ не нуждаются,—для доказательства права малорусскаго языка на самостоятельное развитіе, для доказательства законности его упо-

требленія въ литературѣ и публицистикѣ. Возраженія противъ исконнаго единства обоихъ русскихъ языковъ—малорусскаго и великорусскаго—выставлялись и серьезными учеными, между прочимъ и Миклошичемъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей славяновѣдѣнія. Эти ученые не отрицали близости малорусскаго языка къ великорусскому, но они не видѣли необходимости заключать отсюда о существованіи общерусскаго праязыка. Великорусскій языкъ близокъ также къ польскому и сербскому, но близость между этими языками объясняется вполнѣ удовлетворительно происхожденіемъ ихъ изъ одного общаго праязыка—общеславянскаго; такъ же, по ихъ мнѣнію, должно объяснить сходство и близость языковъ великорусскаго и малорусскаго: эти языки выдѣлились изъ одного общаго основанія, но основаніе это не было чѣмъ-то отдѣльнымъ, обособленнымъ отъ праязыка общеславянскаго; великорусы и малорусы—это отпрыски общеславянской семьи, такіе же отпрыски, какъ поляки, сербы, чехи, словенцы.—Нѣкоторые ученые, имѣя въ виду тѣ или иныя языковыя черты, особенно тѣсно сближающія великорусовъ съ малорусами (напр. *полногласіе*), готовы нѣсколько видоизмѣнить слишкомъ рѣзкое утвержденіе объ отсутствіи между обоими русскими языками большей близости, чѣмъ между остальными славянскими языками: они допускаютъ, что великорусы и малорусы выдѣлились изъ восточной половины общеславянской семьи. Общеславянскій праязыкъ, какъ всякій вообще языкъ, представлялъ лишь относительное единство; въ немъ были діалектическія отличія, были говоры; восточные говоры общеславянскаго праязыка легли въ основаніе языковъ великорусскаго и малорусскаго, тогда какъ напр. западные говоры лежатъ въ основаніи польскаго, чешско-словацкаго и лужицкихъ языковъ, южные—въ основаніи сербскаго, словенскаго и болгарскаго. Противоположное утвержденіе, т.-е. утвержденіе того, что общеславянская семья языковъ выдѣлила изъ себя единый (единый, конечно, относительно) языкъ *восточнославянскій* (позже получившій названіе *русскаго*) и что великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій языки выдѣлились уже изъ этого восточнославянскаго праязыка, а не непосредственно изъ праязыка общеславянскаго—это утвержденіе основывается прежде всего на большомъ количествѣ общихъ всѣмъ русскимъ языкамъ признаковъ. Но представители другого взгляда справедливо устраняютъ доказательную силу многихъ изъ такихъ признаковъ, указывая, что сходныя явленія имѣются и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Остановлюсь на примѣрахъ. Въ великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ общеславянскому сочетанію **tj** соответствуетъ звукъ **ѣ** (**ч**),—напр. *свѣча*, *хочу* изъ *svetja*, *hotjo*, тогда какъ напр. въ западнослав. языкахъ **tj** давало **с** (**ц**), -- сравните *польск.*